

На сцене—герои книг...

У НАС
НА ГАСТРОЛЯХ

СКАЗКА... В театр для детей она вошла как полноправный жанр большой драматургии, как искусство, способное решать серьезные вопросы.

Хорошее подтверждение тому — спектакль Московского ТЮЗа «Красная шапочка». Замечательный советский драматург-сказочник Евг. Шварц внес в эту старинную сказку новое содержание: в пьесе рассказывается не просто о доброй доверчивой девочке и злом волке—Красная шапочка стремится сдружить всех обитателей леса, а волк, напротив,—перессорить, поработить и подчинить своей воле. Режиссеру Б. Гловацкому удалось воплотить эту мысль в интересной художественной форме.

Среди участников спектакля, в первую очередь, отметим артистку И. Назарову, исполняющую роль Зайца. В найденных ею движениях, интонациях, мимике чувствуется вера в «правду» сказочных обстоятельств. Интересен и Ю. Гармаш—Волк.

Несколько бледнее, чем в пьесе, выглядит в спектакле героиня — Красная шапочка. Актрисе А. Кулешовой недостает той увлеченности, что отличает исполнение И. Назаровой и Ю. Гармаша. Все, что она делает на сцене,—радуется, плачет, борется, негодует, веселится—делается как бы на полтонах, без заразительности и оговняка, столь необходимых герою театра для детей.

Вопрос о положительном герое особенно остро встает в другом спектакле—«Приключения Гекльберри Финна».

Пьеса эта родилась в театре—инсценировка по мотивам произведения Марка Твена сделана артистом В. Богаченковым. Ему многое удалось: в пьесе есть и юмор, и яркие характеры, и интересная завязка—борьба за освобождение негра Джима. Это главное и должно бы занять центральное место в спектакле. Однако целостного решения важной и гуманной темы на сцене не получилось (постановщик В. Фридман).

Вспомним II действие—Гекльберри и его друг негр Джим, обманутые Биллем Тернером, приезжают вместо свободного города в южный штат, где царит господство рабовладельцев. Здесь театр сумел передать правдивую атмосферу жизни—бесправное положение бедняков — как негров, так и белых. Гневным протестом наполнены речи разоренного фермера Гаркнеса (Н. Чеканников)... А вот в трактире вваливается пьяная ватага во главе с Сайласом Фелпсом, богатым фермером. Во всем облике Фелпса (И. Дурандин) чувствуется чванливое самодовольство—ему все можно, все дозволено.

Сцена идет в хорошем ритме, глубоко реалистично. Но в дальнейшем режиссер отходит от серьезного решения пьесы. Главным становится развлекательность, легковесное и не всегда оправданное истолкование образов.

Разве можем мы поверить в Фелпса последующих актов, когда тот только и делает, что стремится посмешить зрителя: и падает, и бесконечно унижается, без повода и причины пугает всего и всех. А отсюда и та борьба, что ведут герои спектакля, становится игрушечной, несерьезной.

Нельзя согласиться и с финалом спектакля. Он ничем не отличается от финала «Красной шапочки»: и в том, и в другом случае дело кончается веселой песенкой всех участников спектакля. В «Приключении Гекльберри Финна» в финальной песне происходит своеобразный парад персонажей пьесы. Поется песня о дружбе и странно видеть, что исполняют ее Джим и предавший его Тернер, негрятя Бетси и ее мучитель Фелпс...

И, наконец, вопрос о положительных героях. Артистке И. Хрусталевской удалось воплотить многие черты героя. В ее Геке—задорная веселость, мужество, отзывчивое доброе сердце. И. Хрусталевская удачно подметила и передает характерные мальчишеские жесты, движения, привыч-

ки. Этого, к сожалению, недостает актрисе Л. Шепалиной, исполняющей роль Тома Сойера. Она не сумела создать индивидуальный характер, передать ту обязательность и огромную фантазию, что пленяют в Томе. В спектакле это слишком прилизанный, чистенький, гладенький пай-мальчик. Он по существу ничем не отличается от своего антипода по книге—младшего брата Сиды. Мы не чувствуем в герое Л. Шепалиной большой мечты, страстности, увлечен-

ности каждым делом, за которое он берется, настоящей жажды необычных подвигов и приключений.

И это не столько просчет актрисы, сколько общее режиссерское упущение. В спектакле показано скорее лишь, как забавляются, играют мальчишки, но не их стремление участвовать в «настоящих» делах, как тянутся они к подвигам. А ведь именно об этом и писал Марк Твен.

Дети очень любят, когда взрослые говорят с ними как с равными, по-настоящему, всерьез. Именно так и должен разговаривать ТЮЗ со своим юным зрителем.

В. АСТРАХАНСКИЙ.

„Делать бы жизнь с кого“

ЮНОСТЬ всегда размышляет о жизни, открывающей перед ней. Отсюда и особая ответственность театра: ведь в зале сидит зритель, ищущий героя—«делать бы жизнь с кого...». Юноши и девушки хотят увидеть на подмостках сцены своих современников в конкретных современных условиях: чтобы не замыкались никакие существующие противоречия и чтобы не принижались никакие реально действующие положительные силы...

В спектакле Московского областного ТЮЗа «В поисках радости» Олег Савин (В. Лакирев) протестует против бытующих еще мерзостей. Ихота бурность этого протеста продиктована не только большим человеческим возмущением, но и несдержанностью подростка, он радостно принимается залом. Тем более, что игра В. Лакирева неподдельно искренна и темпераментна.

Ненавидистый Олегу мир корыстных идеалов и ненасытного потребления жизненных благ представлен в спектакле весьма вещественно, хотя, быть может, и излишне буквально (циклопические размеры шкафа, громадная кровать, повисшая над головами и т. д.). Видимо, выражением этой же буквальной «злой силы» являются на сцене грохочущая грубость Лапина-старшего (Н. Чеканников), ошарашивающая

наглость Леночки (Л. Шепалина), безрассудная охваченность стяжательством Тасии (А. Карнеева). В глазах зрителей все эти—такие разные!—характеры смыкаются в единый обывательский фронт.

Но театр (режиссер В. Фридман) мало что противопоставил мешаночку единению: в борьбе против Леночкиной (или Лапинской) морали носители нашего мировоззрения, несмотря на их многочисленность, в спектакле разобщены, даже принижены, придавлены—обороняются, а не наступают.

У автора пьесы В. Розова совсем по-другому: не настолько уж могучи родственные друг другу по духу Леночка и Лапин, не так уж смиренны Савин и все, кто с ними. Так почему же нет этого в спектакле?

Обидная «оборонительная» позиция, в которую режиссер поставил Савиных, подчеркнута еще и тем, что актриса М. Скворцова играет роль (в значительной степени риторическую) Клавдии Васильевны как-то очень холодно, без должного гражданского начала; и тем, что явно глуше, чем в пьесе, проходит тема любви Николая и Марины (она выглядит как насильственная вставка в действие, а не органически связанная с сюжетом линия); и тем, что Федор Савин, каким его сыграл В. Добкин, безраздельно, с первых

минут—в лагере Леночки. По сути дела—не за кого бороться: законченная триптичность характера, неталантливость Федора не стоят того, чтобы за него воевали.

В конце концов получается, что «силам мрака» противопоставлены всего лишь мечтания и порывы Олега, да презрительная насмешливость Татьяны, да молчаливое осуждение происходящего Николаем.

Правда, есть еще Геннадий Лапин, которого выразительно сыграл Ю. Сосновский. Но он один, при всей его действительности, — не выручает. Геннадий ведь только что вырвался из сундуточного, сквалящего мира. Как бы не был привлекателен этот образ, он не может быть назван центральным...

Нельзя назвать настоящим героем и Олега. Упрек адресован не столько театру, сколько уже автору. Олег такой же, как и многие из сидящих в зале, спрашивающий: «как жить?»—не больше. Что касается его чистоты, честности, бурления нераскрывшихся еще возможностей,—все это делает образ интересным, но не дает ему права считаться героем, которого в качестве постоянного жизненного примера ищет молодой зритель.

Еще бесполезнее, на наш взгляд, поиски героя в другом спектакле — «Дорога через Сокольники» (пьеса В. Раздольского).

А ведь в спектакле заняты хорошие актеры. Воистину обидно за того же В. Лакирева, принужденного играть Алешу Вронского,—юношу весьма странного, но почему-то получившего от автора право «разоблачить» своим появлением истинное содержание «интеллектуальной» жизни одной московской семьи. Ну, вывильось, что Анастасия Ивановна—лжепедагог, Владимир Януарич—не писатель, а обыкновенный чиновник от литературы, а Валя — то ли актерствующая мешаночка, то ли мешанствующая актриса. А дальше что?

Уходят из дома, где оказались фальшивыми многие ценности, Михаил с Алешей—и все. Настоящая жизнь так и не приходит ни в пьесе, ни в спектакль—она только не-

просто звучит за сценой призывным походным маршем.

И кто здесь, кстати, герой?

Во всяком случае—не Алеша Вронский, вопреки стараниям автора и усилиям постановщика Б. Гловацкого. И не Миша—тот слишком мало времени проводит на сцене. Или, может быть, герой—Владимир Януарич, солидный «литчиновник», как черт ладана боющийся рукописей начинающих литераторов и непонятно почему выступающий в конце пьесы глашатаем истины? Или отец Валя и Аллочка, на сцене не появляющийся, но весьма часто упоминаемый — отважный путешественник, смелый опровергатель консервативных норм семейного права? Но ведь юного зрителя волнуют вопросы более жгучие, чем проблема «остаться или не оставаться в семье, если жена не пошла за мужем в его странствиях на край света?»...

«Дорога через Сокольники», хоть и не хотели этого автор и театр, — только развлекательная комедия, главной пружиной которой является забавная путаница, рожденная наивным «жизненным анализом» Алешки.

Лишь в спектакле «Мой суровый друг» (пьеса Л. Жарикова и А. Бородин) появился настоящий герой—Вася. Спектакль этот интересно поставлен (режиссер В. Фридман), есть в нем значительные актерские удаchi (Вася — И. Хрусталевская, Ленка—Н. Суринова), оригинально оформленные художником П. Белова и В. Ворошилова. Но хотя «Мой суровый друг» и посвящен «сорокалетию Ленинского комсомола, он—для среднего школьного возраста. Да и обращен в прошлое: гражданская война—это хоть и недавняя, но все-таки история.

Итак, юноши и девушки, ожидавшие встречи со своими молодыми современниками—героями «сегодняшнего дня»—не увидели их. Пермские зрители, конечно, благодарны театральному коллективу за приезд: в городе, где нет ТЮЗа, трехнедельные его гастроли — большое событие. Но куда плодотворнее была бы встреча, когда б вышел на сцену настоящий герой—современник!

С. ГРАВИН.

9 В Е З Д А
г. Пермь

29 OKT 1968